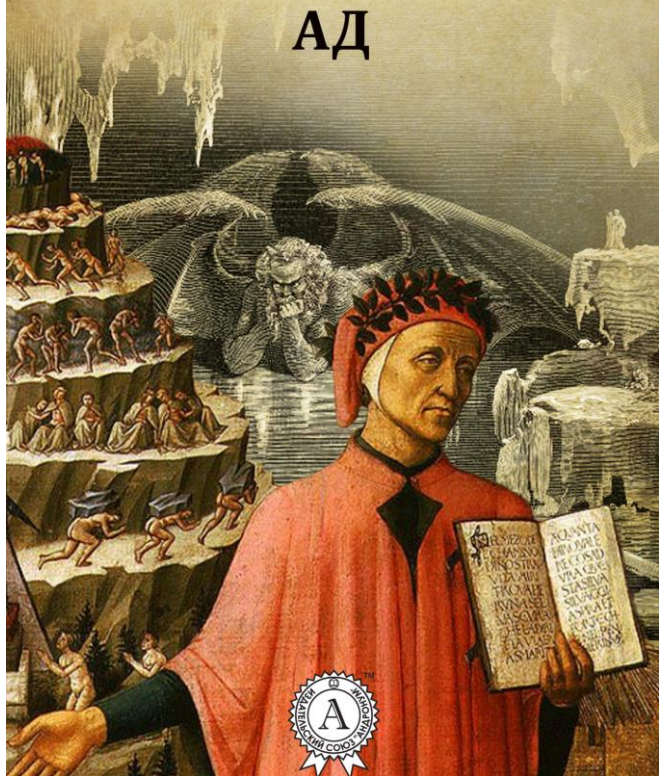

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

АД

«Божественная комедия. Ад» — первая часть шедевральной поэмы великого итальянского поэта эпохи Возрождения Данте Алигьери (итал. Dante Alighieri, 1265 — 1321).

Заблудившись в дремучем лесу, Данте встречает поэта Вергилия и отправляется с ним в путешествие по загробному миру. И начинается оно с девяти кругов Ада, где поэты встречаются всевозможных грешников — обманщиков, воров, насильников, убийц и самоубийц, еретиков, скупцов, чревоугодников и прочих — среди которых узнают многих исторических фигур. Все они страдают от разных мук в зависимости от грехов, но самые страшные — в последнем, девятом кругу, где находятся предатели...

Две другие части этого гениального произведения — «Чистилище» и «Рай».

Данте Алигьери заслуженно называют «отцом итальянской литературы».

Данное издание содержит уникальный редкий перевод Дмитрия Мина, выполненный в 1855 году.

Данте Алигьери

Божественная комедия

Ад

Перевел с
италианского размером
подлинника

Дмитрий Мин.
Москва
1855

Предисловие

Прошло более десяти лет с тех пор, как я впервые решился испытать свои силы в переводе *Divina Commedia* Данта Алигиери. Вначале я не имел намерения переводить ее вполне; но только в виде опыта перелагал на русский язык те места, которые, при чтении бессмертной поэмы, наиболее поражали меня своим величием. Мало-помалу, однако ж, по мере изучения *Divina Commedia*, и чувствуя, что был в силах преодолеть, по крайней мере отчасти, одну из важнейших преград в трудном деле — размер подлинника, я успел в течении двух лет окончить перевод первой части

Дантовой Поэмы — Ада. Более нежели кто-нибудь сознавая всю слабость моего труда, я долго скрывал его под спудом, пока наконец ободрительные суждения друзей моих, которым читал я отрывки из своего перевода, а еще более необыкновенно-лестный отзыв г. профессора С. П. Шевырева заставили меня в 1841 г. в первый раз представить на суд публики с V песнию Ада, помещенною в том же году в Москвитяине. После того я напечатал еще отрывок в Современнике, издававшемся г. Плетневым, и наконец, в 1849 году, XXI и XXII песни в Москвитяине.

Убедившись, что труд мой не совсем ничтожен и если не имеет в себе никаких особенных достоинств, то по крайней мере довольно близок к подлиннику, я теперь решаюсь вполне представить его на суд любителей и знатоков такого колоссального творения, какова *Divna Commedia* Данта Алигиери.

Считаю нужным сказать несколько слов о самом издании моего перевода.

Такой поэт, как Данте, отразивший в своем создании, как в зеркале, все идеи и верования своего времени, исполненный стольких отношений ко всем отраслям тогдашнего знания, не может быть понятен без объяснения множества намеков, в его поэме встречающихся: намеков исторических, богословских, философских, астрономических и

т. д. Потому все лучшие издания Дантовой Поэмы, даже в Италии, и особенно в Германии, где изучение Данта сделалось почти всеобщим, всегда сопровождаются комментарием более или менее многосторонним. Но составление комментария дело чрезвычайно трудное: кроме глубокого изучения самого поэта, его языка, его воззрений на мир и человечество, оно требует основательного знания истории века, этого в высшей степени замечательного времени, когда возникла страшная борьба идей, борьба между духовною и светскою властью. Кроме того, Данте есть поэт мистический; основную идею его поэмы различные комментаторы и переводчики понимают и объясняют различно.

Не имея столько обширных сведений, не изучив поэта до такой глубины, я никак не беру на себя обязанности, передавая слабую копию с бессмертного оригинала, быть в то же время и его истолкователем. Я ограничусь присоединением только тех объяснений, без которых читатель не знаток не в силах уразуметь создание в высшей степени самобытное, и, следовательно, не в состоянии наслаждаться его красотами. Объяснения эти будут состоять большею частью в указаниях исторических, географических и некоторых других, касающихся до науки того времени, особенно астрономии, физики и натуральной истории.

Главными руководителями в этом деле мне будут немецкие переводчики и толкователи: Карл Витте, Вагнер, Каннегиссер и в особенности Копишь и Филалетес (принц Иоанн Саксонский). Где нужно, я буду делать цитаты из Библии, сличая их с Вульгатою — источником, из которого Данте черпал так обильно. Что касается до мистицизма Поэмы Дантовой, я приведу по возможности кратко только те объяснения, которые наиболее приняты, не вдаваясь ни в какие собственные предположения.

Наконец, большей части изданий и переводов Данта обыкновенно предшествуют жизнь поэта и история его времени. Как ни важны эти пособия для ясного уразумения дивно таинственного творения, я не могу в настоящее время присоединить их к изданию моего перевода; впрочем не отказываюсь и от этого труда, если бы интерес, возбужденный моим переводом, потребовал его от меня.

Вполне счастливым почту себя, если мой перевод, как ни бесцветен он перед недостижимыми красотами подлинника, хотя на столько удержит за собою отблеск его величия, что в читателе, не наслаждавшемся красотами *Divina Commedia* в подлиннике, возбудит желание изучить ее в оригинале. Изучение же Данта для людей, любящих и постигающих изящное и великое, доставляет такое же наслаждение, как и чтение других

поэтов-гениев: Гомера, Эсхила, Шекспира и Гёте.

Предоставляю судить людям, более меня сведущим, умел ли я удержать в моем переводе хотя слабую искру того божественного огня, которым освещено гигантское здание, — та поэма, которую так удачно сравнил Филалетес с готическим собором, фантастически-причудливым в подробностях, дивно-прекрасным, величаво-торжественным в целом. Не страшусь строгого приговора ученой критики, увшая себя мыслью, что я первый решился переложить размером подлинника часть бессмертного творения на русский язык, так способный к воспроизведению всего великого. Но ужасаясь мысли, что дерзким подвигом оскорбил тень поэта, обращаюсь к ней его же словами:

Vagliami 'l lungo
studio e 'l grande amore,
Che m'han fatto cercar
lo tuo volume.

Inf. Cant I, 83–84.

Песнь I

Содержание. Уклонившись в глубоком сне с прямой дороги, Данте пробуждается в темном лесу, при слабом мерцании месяца идет далее и, перед дневным рассветом, достигает подошвы холма, которого вершина освещена восходящим солнцем. Отдохнув от усталости, поэт восходит на холм; но три чудовища — Барс с пестрою шкурою, голодный Лев и тощая Волчица, преграждают ему дорогу. Последняя до того устрашает Данта, что он уже готов возвратиться в лес, как внезапно появляется тень Виргилия. Данте умоляет ее о помощи. Виргилий, в утешение ему, предсказывает, что Волчица, там его испугавшая, скоро погибнет от Пса, и, для выведения его из темного леса, предлагает ему себя в вожатые в странствии его через Ад и Чистилище, прибавляя, что если он пожелает взойти потом на Небо, то найдет себе вожатую, стократ его достойнейшую. Данте принимает его предложение и следует за ним.

1. В середине нашей
жизненной дороги,¹
Объятый сном, я в
темный лес вступил,²
Путь истинный
утратив в час тревоги.

4. Ах! тяжело
сказать, как страшен был
Сей лес, столь дикий,
столь густой и лютой,³
Что в мыслях он мой
страх возобновил.⁴

7. И смерть лишь
малым горше этой
смуты!⁵
Но чтоб сказать о
благости небес,
Все расскажу, что
видел в те минуты.⁶

10. И сам не знаю,
как вошел я в лес:
В такой глубокий

сон я погрузился⁷

В тот миг, когда путь
истинный исчез.

13. Когда ж вблизи
холма я пробудился,⁸

Где той юдоли
положен предел,⁹

В которой ужас в
сердце мне вселился, —

16. Я, вверх
взглянув, главу холма
узрел

В лучах планеты, что
прямой дорогой¹⁰

Ведет людей к
свершенью добрых дел.

19. Тогда на время
смолк мой страх, так
много.

Над морем сердца
бушевавший в ночь,

Что протекла с
толикою тревогой.¹¹

22. И как успевши
бурю перевозмочь,
Ступив чуть
дышащий на брег из моря,
С опасных волн очей
не сводит прочь:

25. Так я, в душе еще
со страхом споря,
Взглянул назад и
взор впери́л туда,¹²
Где из живых никто
не шел без горя.

28. И отдохнув в
пустыне от труда,
Я вновь пошел, и
мой оплот опорный
В ноге, стоящей
ниже, был всегда.¹³

31. И вот, почти в
начале крути горной,
Покрытый пестрой
шкурою, кружась,
Несется Барс и
легкий и проворный.¹⁴

34. Чудовище не
убегало с глаз;
Но до того мне путь
мой преграждало,
Что вниз сбежать я
помышлял не раз.

37. Уж день светал, и
солнце в путь вступало
С толпою звезд, как в
миг, когда оно
Вдруг от любви
божественной прияло

40. Свой первый ход,
красой озарено;¹⁵
И все надеждою
тогда мне льстило:
Животного
роскошное руно,

43. Час утренний и
юное светило.¹⁶
Но снова страх мне в
сердце пробудил
Свирепый Лев,
представший с гордой

силой.¹⁷

46. Он на меня,
казалось, выходил,
Голодный, злой, с
главою величавой,
И, мнилось, воздух в
трепет приводил.

49. Он шел с
Волчицей, тощей и
лукавой,¹⁸
Что, в худобе полна
желаний всех,
Для многих в жизни
сей была отравой.

52. Она являла
столько мне помех,
Что, устрaшен
наружностью суровой,
Терял надежду я
взойти наверх.

55. И как скупец,
копить всегда готовый,
Когда придет утраты

страшный час,
Грустит и плачет с
каждой мыслью новой:

58. Так зверь во мне
спокойствие потряс,
И, идя мне на
встречу, гнал всечасно
Меня в тот край, где
солнца луч угас.

61. Пока стремглав я
падал в мрак ужасный,
Глазам моим
предстал нежданный друг,
От долгого молчания
безгласный.¹⁹

64. «Помилуй ты
меня!» вскричал я
вдруг,²⁰
Когда узрел его в
пустынном поле,
«О кто б ты ни был:
человек, иль дух?»

67. И он: «Я дух, не

человек я боле;
Родителей
Ломбардцев я имел,²¹
Но в Мантуе
рожденных в бедной доле.

70. *Sub Julio* я
поздно свет узрел,²²
И в Риме жил в век
Августов счастливый;
Во дни богов в
лжеверье я коснел.²³

73. Я был поэт, и
мною воспет правдивый
Анхизов сын,
воздвигший новый град,
Когда сожжен был
Илион кичливый.

76. Но ты зачем
бежишь в сей мрак назад?
Что не спешишь на
радостные горы,
К началу и причине
всех отрад?²⁴»

79. — «О, ты ль
Виргилий, тот поток,
который
Рекой широкой катит
волны слов?»
Я отвечал, склонив
стыдливо взоры.²⁵

82. «О дивный свет,
о честь других певцов!
Будь благ ко мне за
долгое ученье
И за любовь к красе
твоих стихов.

85. Ты автор мой,
наставник в песнопенье;
Ты был один, у коего
я взял
Прекрасный стиль,
снискавший мне
хваленье.²⁶

88. Взгляни: вот
зверь, пред ним же я
бежал....
Спаси меня, о

мудрый, в сей долине....
Он в жилах, в сердце
кровь мне взволновал.

91. — «Держать ты
должен путь другой
отныне,»

Он отвечал, увидев
скорбь мою,
«Коль умереть не
хочешь здесь в пустыне.

94. Сей лютый зверь,
смутивший грудь твою,
В пути своем других
не пропускает,
Но, путь пресекши,
губит всех в бою.

97. И свойством он
столь вредным обладает,
Что, в алчности
ничем не утолен,
Вслед за едой еще
сильней толкает.

100. Он с
множеством животных

сопряжен,
И с многими еще
совокупится;
Но близок Пес, пред
кем издохнет он.²⁷

103. Не медь с
землей Псу в пищу
обратится,²⁸
Но добродетель,
мудрость и любовь;
Меж Фельтро и меж
Фельтро Пес родится.²⁹

106. Италию рабу
спасет он вновь,³⁰
В честь коей дева
умерла Камилла,
Турн, Эвриад и Низ
пролили кровь.

109. Из града в град
помчит Волчицу сила,
Доколь ее не
заключит в аду,
Откуда зависть в мир
ее пустила.³¹

113. Так верь же мне
не к своему вреду:

Иди за мною; в
область роковую,
Твой вождь, отсель
тебя я поведу.

115. Услышишь
скорбь отчаянную,
злую;³²

Сонм древних душ
увидишь в той стране,
Вотще зовущих
смерть себе вторую.

118. Узришь и тих,
которые в огне³³

Живут надеждою,
что к эмпирею
Когда-нибудь
взнесутся и они.

121. Но в эмпиреи я
ввесть тебя не смею:

Там есть душа
достойнее стократ;³⁴

Я, разлучась, тебя
оставлю с нею.

124. Зане Монарх,
чью власть как супостат³⁵
Я не познал, мне
ныне воспрещает
Вести тебя в Его
священный град.³⁶

127. Он Царь везде,
но там Он управляет:³⁷
Там град Его и
неприступный свет;
О счастлив тот, кто в
град Его вступает!»

130. И я: «Молю я
сам тебя, поэт,
Тем Господом, Его ж
ты не прославил, —
Да избегу и сих и
горших бед,³⁸ —

133. Веди в тот край,
куда ты путь направил:
И вознесусь к вратам

Петра святым,³⁹

И тех узрю, чью
скорбь ты мне
представил».

136. Здесь он пошел,
и я во след за ним.

Песнь II

Содержание. Наступает вечер. Данте, призвав муз в помощь, повествует, как в самом начале странствия родилось сомнение в душе его: достаточно ли в нем сил для смелого подвига. Вергилий укоряет Данта за малодушие и, ободряя на подвиг, объясняет ему причину своего пришествия: как, в преддверии ада, явилась ему Беатриче и как умоляла его спасти погибавшего. Ободренный этой вестью, Данте воспринимает свое первое намерение, и оба странника шествуют в предназначенный путь.

1. День отходил и
сумрак пал в долины,⁴⁰
Всем на земле
дозволив отдохнуть
От их трудов; лишь я
один единый

4. Готовился на
брань — в опасный путь,
На труд, на скорбь, о
чем рассказ правдивый
Из памяти дерзаю
почерпнуть.

7. О высший дух, о
музы, к вам призывы!
О гений, все, что
зрел я, опиши,
Да явится полет твой
горделивый!

10. Я начал так:
«Всю мощь моей души
Сперва измерь,
поэт-путеводитель;
Потом со мной в
отважный путь спеши.⁴¹

13. Ты говорил, что
Сильвиев родитель,⁴²
Еще живой и
тленный, низходил
Свидетелем в
подземную обитель.

16. Но если жребий
так ему судил,
То вспомнив,
сколько приобрел он
славы
И кто сей муж я как
правдив он был, —

19. Почтет его
достойным разум здравый:
Он избран был, чтоб
некогда создать
Великий Рим и быть
отцом державы, —

22. Державы той, где
— подлинно сказать —
*43

Престол священный

сам Господь поставил
Наместникам
Петровым восседать.

25. В сем странствии
— ты им его прославил —
Узнал он путь к
победе над врагом
И тем тиару папам
предоставил.

28.....
.....
.....
.....
...
.....
.....
...

31. Но мне ль идти?
кто дал мне позволение?

34. И так, коль
дерзкий подвиг сотворю,
Страшусь, в безумие
он мне вменится.
Мудрец, ясней

поймешь, чем говорю».

37. Как тот, кто
хочет, но начат страшится,
Полн новых дум,
меняет замысл свой,
Отвергнув то, на что
хотел решиться:

40. Так я томился в
мрачной дебри той,
И мысль свою,
обдумав, кинул снова,
Хоть предан был
вначале ей одной.

43. «Коль я проник
вполне в значенье слова,»
Великодушного
сказала тень,
«Твоя душа познать
боязнь готова.

46. Боязнь людей
отводит каждый день
От честных
подвигов, как призрак
ложный

Страшит коня, когда
ложится тень.

49. Но выслушай —
и страх рассея
тревожный, —
Что моего
пришествия вина
И что открыл мне
жеребий непреложный.

52. Я с теми был, чья
участь не полна;⁴⁴
Там, слыша голос
Вестницы прекрасной,⁴⁵
Я спросил: что
повелит она?

55. Светлей звезды в
очах горел луч ясный,⁴⁶
И тихим, стройным
языком в ответ
Она рекла как ангел
сладкогласный:

58. «О Мантуи
приветливый поэт,

Чья слава свет
наполнила далеко
И будет в нем, пока
продлится свет!⁴⁷

61. Любимец мой, но
не любимец рока,
Препону встретил на
берегу пустом
И вспять бежит
испуганный жестоко.

64. И я страшусь: так
сбился он на нем,
Что уж не поздно ль
я пришла с спасеньем,
Как в небесах была
мне весть о том.

67. Подвигнись в
путь и мудрым
убежденьем
Все для его спасенья
уготовь:
Избавь его и будь
мне утешеньем,

70. Я, Беатриче,

УМОЛЯЮ ВНОВЬ..... 48

.....
.....
...
.....
.....
...

73. Там, пред моим
Владыкой, с состраданьем,
Поэт, я часто
похвалюсь тобой».
Умолкла тут, я начал
я воззваньем

76. «О благодать,
которую одной
Наш смертный род
превысил все творенья
Под небом, что
свершает круг меньшей!⁴⁹

79. Так сладостны
твои мне повеленья,
Что я готов немедля
их свершить;
Не повторяй же

своего моления.

82. Но объясни: как
можешь нисходить
Без трепета в
всемирную средину⁵⁰
От горних стран,
куда горишь парить?» —

85. — «Когда
желаешь знать тому
причину,»
Она рекла,
«короткий дам ответ,
Почто без страха к
вам схожу в пучину.

88. Страшиться
должно лишь того, что
вред
Наносит нам: какой
же страх бесплодный,
Как не боязнь того, в
чем страха нет?⁵¹

91. Так создана я
благодатью Господней,

Что ваша скорбь
меня не тяготит
И не вредит мне
пламень преисподней.⁵²

94 Там некая
Заступница скорбит
О том, к кому тебя я
посылаю,
И для нее жестокий
суд разбит.⁵³

97. Она, воздвигши
Лючию....⁵⁴
Рекла: Твой верный
ждет тебя в слезах,
И я отсель его тебе
вверяю.

100. И Лючия,
жестокосердых враг,
Подвигшись, мне
вещала там, где вечно
С Рахилью древней
воссежу в лучах:⁵⁵

103. «О Беатриче,

гимн Творцу сердечный!
Спаси того, кто так
тебя любил,
Что для тебя стал
чужд толпе беспечной.⁵⁶

106. Не слышишь ли,
как плач его уныл?
Не зришь ли смерть,
с которой он сразился
В реке, пред ней же
океан без сил?

109. Никто так
быстро в мире не
стремился⁵⁷
От гибели, иль к
выгодам своим,
Как мой полет от
слов тех ускорился

112. С скамьи
блаженной к пропастям
земным —
Ты дал мне веру
мудрыми словами,
И честь тебе и тем,

кто внемлет им!»»

115. Потом, сказав
мне это, со слезами
Взор лучезарный
возвела горе,
И я потек
быстрейшими стопами.

118. И, как желала,
прибыл к той поре,
Когда сей зверь
пресек в пустынном поле
Твой краткий путь к
прекрасной той горе.

121. Так что ж?
зачем, зачем же медлит
боле?
Что на сердце
питаешь низкий страх?
Что сделалось с
отвагой, с доброй волей....

124.
.....
.....
.....

.....
...
.....
.....?»

127. И как цветочки,
стужею ночью
Согбенные, в серебре
дневных лучей
Встают,
раскрывшись, на ветвях
главою:

130. Так я воздвигся
доблестью моей;
Столь дивная
влилась мне в грудь
отвага,
Что начал я, как
сбросив груз цепей:

133. «О слава ей,
подательнице блага!
О честь тебе, что
правым словесам
Уверовал и не
замедлил шага!

136. Так сердце мне с
желаньем по стопам
Твоим идти возжег
ты мудрым словом,
Что к первой мысли
возвращаюсь сам.

139. Идем: крепка
надежда в сердце новом —
Ты вождь, учитель,
ты мой властелин!»
Так я сказал, и под
его покровом

142. Нисшел путем
лесистым в мрак пучин.

Песнь III

Содержание. Поэты приходят к двери ада. Данте читает над нею надпись и ужасается; но, ободренный Virgiliem, нисходит вслед за ним в мрачную бездну. Вздохи, громкий плач и крики оглушают Данта: он плачет и узнает от вождя своего, что

здесь, еще вне пределов ада, наказуются среди вечного мрака души людей ничтожных, не действовавших, и трусов, с которыми смешаны хоры ангелов, не соблюдавших верность Богу и не принявших стороны Его противника. Затем поэты приходят к первой адской реке — Ахерону. Седовласый Харон, кормщик адский, не хочет принять Данта в свою ладью, говоря, что в ад проникнет он иным путем, и перевозит на другой берег Ахерона толпу умерших. Тогда потрясаются берега адской реки, поднимается вихрь, сверкает молния и Данте падает без чувств.

1. Здесь мною входят
в скорбный град к
мученьям,

Здесь мною входят к
муке вековой,

Здесь мною входят к
падшим поколениям.

4. Подвинул правдой
вечный Зодчий мой:

Господня сила, разум

всемогущий
И первые любви
дух святой

7. Меня создали
прежде твари сущей,
Но после вечных, и
мне века нет.
Оставь надежду всяк,
сюда идущий!⁵⁸ —

10. В таких словах,
имевших темный цвет,
Я надпись зрел над
входом в область казни
И рек: «Жесток мне
смысл ее, поэт!»

13. И как мудрец,
вещал он, полн приязни:
«Здесь места нет
сомненьям никаким,
Здесь да умрет вся
суетность боязни.

16. Вот край, где мы,
как я сказал, узрим
Злосчастный род,

утративший душою
Свет разума со
благом пресвятым.⁵⁹» —

19. И длань мою
прияв своей рукою*
Лицом спокойным
дух мой ободрил
И к тайнам пропасти
вступил со мною.⁶⁰

22. Там в воздухе без
солнца и светил
Грохочат в бездне
вздохи, плач и крики,
И я заплакал, лишь
туда вступил.

25. Смесь языков,
речей ужасных клики,
Порывы гнева,
страшной боли стон
И с плеском рук то
хриплый глас, то дикий,

28. Рождают гул, и в
век кружится он

В пучине, мглой без
времени покрытой,
Как прах, когда
крутится аквилон.

31. И я, с главою
ужасом повитой,⁶¹
Спросил: «Учитель
мой, что слышу я?
Кто сей народ, так
горестью убитый?» —

34. И он в ответ:
«Казнь гнусная сия
Карает тот
печальный
род.....

.....
.....
.....
.....
.....⁶²
.....

37. С ним смешаны
злых ангелов те хоры,
Что за себя стояли за
одних,

.....
.....

.....

40.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....»

43. — «Учитель, — я
спросил, — какое ж бремя

Их вынуждает к
жалобам таким?» —

И он: «Для них не
стану тратить время,

46. Надежда смерти
не блестит слепым,

А жизнь слепая так
невыносима,

Что участь каждая
завидна им,

49. Их в мире след
исчез быстрее дыма;

Нет состраданья к

ним, их суд презрел,
Что говорят об них?
взгляни и — мимо!»

52. И я, взглянувши,
зная там узрел:
Оно, бежа,
взвивалось так сильно,
Что, мнилось, отдых
— не ему в удел.⁶³

55. За ним бежал
строй мертвых столь
обильный,
Что верить я не мог,
чтоб жребий сверг
Такое множество во
мрак могильный.

57. И я, узнав там
некоторых, вверх
Взглянул и видел
тень того, который
Из низости великий
дар отверг,⁶⁴

61. Вмиг понял я — в

том убеждались взоры —
 Что эту
чернь.....
.

.....
.....

64. Презренный род,
не живший никогда,
 Ногой и бледный,
был язвим роями
 И мух и ос,
слетавшихся туда.

67. По лицам их
катилась кровь струями,
 И, смешана с
потокотом слез, в пыли,
 У ног, съедалась
гнусными червями.

70. И я, напрягши
зрение, вдали
 Узрел толпу на
берегу великой
 Реки и молвил:
«Вождь, благоволи

73. Мне объяснить:
что значить сонм толикой
И что влечет его со
всех сторон,
Как вижу я сквозь
мрак в долине дикой?» —

76. — «О том
узнаешь, — отвечал мне
он,
Когда достигнем
берега крутова,
Где разлился
болотом Ахерон⁶⁵». —

79. И взор
смущенный я потупил
снова⁶⁶
И, чтоб вождя не
оскорбить, к брегам
Реки я шел, не
говоря ни слова.

82. И вот в ладье
гребет на встречу нам
Старик суровый с

древними власами,⁶⁷
Крича: «О горе,
злые, горе вам!

85. Здесь навсегда
проститесь с небесами:
Иду повергнуть вас
на том краю
В тьму вечную и в
жар и хлад со льдами.⁶⁸

88. А ты, душа
живая, в сем строю,
Расстанься с этой
мертвою толпою!»
Но увидав, что
недвижим стою:

91. «Другим путем,»
сказал, «другой волною,
Не здесь,
проникнешь ты в
печальный край:
Легчайший челн
помчит тебя стрелою.⁶⁹»

94. И вождь ему:

«Харом, не воспрещай!
Так *там* хотят, где
каждое желанье
Уж есть закон:
старик, не
вопрошай!⁷⁰» —

97. Косматых щек
тут стихло колыханье⁷¹
У кормщика, но
огненных колес
Усилилось вокруг
очей сверканье.

100. Тут сонм теней,
взволнованный хаос,⁷²
В лице смутился,
застучал зубами,
Едва Харон суд
грозный произнес,⁷³ —

103. И проклинал
родителей хулами,
Весь род людей,
рожденья место, час
И семя семени с их
племенами.

106. Потом все тени,
в сонм един столпясь,
На взрыд взрыдали
на берегу жестоком,
Где будет всяк, в ком
Божий страх угас.

109. Харон же, бес,
как уголь сверкая оком,
Маня, в ладью
вгоняет сонм теней,
Разит веслом
отсталых над потоком.⁷⁴

112. Как осенью в
лесу кружит борей
За листом лист,
доколь его порывы
Не сбросят в прах
всей роскоши ветвей:

115. Подобно род
Адамов нечестивый,
За тенью тень,
метался с берегов,
На знак гребца, как
сокол на призывы.

118. Так все плывут
по мутной мгле валов,
И прежде чем
взойдут на берег сонный,
На той стране уж
новый сонм готов.

121. «Мой сын,»
сказал учитель
благосклонный,
«Пред Господом
умершие в грехах
Из всех земель парят
к реке бездонной⁷⁵

124. И чрез нее
торопятся в слезах;
Их правосудье Божье
побуждает
Так, что в желанье
превратился страх.⁷⁶

127. Душа благая в
ад не проникает,
И если здесь так
встречен ты гребцом,

То сам поймешь, что
крик сей означает». —

130. Умолк. Тогда
весь мрачный дол кругом
Потрясся так, что
хладный пот доньше
Меня кропит, лишь
вспомню я о том.

133. Промчался
вихрь по слезной сей
долине,
Багровый луч
сверкнул со всех сторон
И, чувств лишась, в
отчаянной пучине

136. Я пал как тот,
кого объемлет сон.⁷⁷

Песнь IV

Содержание. Оглушительный
гром пробуждает Данта на
противоположном берегу Ахерона, на

краю бездны, из которой несутся страшные стоны, заставляющие бледнеть самого Вергилия. Они сходят в первый круг — преддверие ада, Лимб, жилище умерших до крещения младенцев и добродетельных язычников. Данте, сострадая им, спрашивает Вергилия: был ли кто-нибудь избавлен из этого круга? и узнает о сошествии Христа во ад и об избавлении праотцев: Адама, Авеля, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова и Рахили с детьми, Моисея, Давида и других. Беседуя, таким образом, поэты встречаются на внешней окружности Лимба, в совершенной темноте, бесчисленную толпу теней, которую Данте сравнивает с лесом: это души добродетельным, но неизвестных, не отмеченных славою язычников; они и в Лимбе остаются во мраке. Подаваясь далее к центру круга, Данте видит свет, отделяющий славных мужей древности от неизвестных. Из этого отдела Лимба, озаренного светом и окруженного семью стенами и прекрасным ручьем, раздается голос, приветствующий возвращающегося Вергилия, и вслед за тем три тени, Горация, Овидия и

Лукана, под предводительством главы поэтов — Гомера, выступают к ним на встречу, приветствуют путников и, приняв Данта в свое число переходят с ним чрез ручей как по суше и чрез семь ворот города. Возводят его на вечно-зеленеющий холм героев. Отсюда обзревает Данте всех обитателей города; но из них поименовывает преимущественно тех, кой имеют отношение к отчизне Энея — Трое и к основанной им Римской Империи. Над всеми возвышается тень Аристотеля, окруженная учеными по разным отраслям человеческих знаний: философами, историками, врачами, естествоиспытателями, математиками, астрономами, — людьми различных наций: Греками, Римлянами, Арабами. Взглянув на героев и ученых языческой древности, Virgiliy и Данте отделяются от сопровождавших их поэтов и сходят с зеленеющей горы Лимба во второй круг.

1. Громовый гул
нарушил сон смущенный
В моей главе и,

вздрагнув, я вскочил,
Как человек,
наильно пробужденный.

4. И, успокоясь, взор
я вокруг водил
И вглядывался
пристально с стремнины,
Чтоб опознать то
место, где я был.

7. И точно, был я на
краю долины
Ужасных бездн, где
вечно грохотал⁷⁸
Немолчный гром от
криков злой кручины.⁷⁹

10. Так был глубок и
темен сей провал,
Что я, вперив глаза в
туман, под мглою
В нем ничего на дне
не различал.

13. «Теперь сойду в
слепой сей мир с

тобою, 80»

Весь побледнев, так
начал мой поэт:

«Пойду я первый, ты
или за мною.»

16. Но я, узрев, как
он бледнел, в ответ:

«О как пойду, коль
духом упадаешь,

И ты, моя опора
против бед!»

19. И он мне: «Казнь
племен, в чей мир
вступаешь,

Мне жалостью
смутила ясный взгляд,

А ты за ужас скорбь
мою считаешь.

22. Идем: вам путь
через тысячи преград.»

Так он пошел, так
ввел меня в мгновенье

В круг первый, коим
опоясан ад. 81

25. Там — сколько я
расслушать мог в
томленьи —

Не плач, но вздохов
раздавался звук

И воздух вечный
приводил в волненье.

28. И был то глас
печали, но не мук,
Из уст детей, мужей
и жен, в долине

В больших толпах
теснившихся вокруг.

31. Тут добрый
вождь: «Почто ж не
спросишь ныне,
Кто духи те, которых
видишь там?

Узнай, пока придем
мы к их дружине:

34. Безгрешные, за то
лишь небесам

Они чужды, что не
спасались крещеньем, —

Сей дверью веры,
как ты знаешь сам.

37. До христианства
жив, они с смиреньем,⁸²
Как надлежит, не
пали пред Творцем;
И к ним и я причтен
святым веленьем.

40. Сим недостатком,
не другим грехом,
Погибли мы и только
тем страдаем,
Что без надежд
желанием живем.^{83»}

43. Великой скорбью
на сердце снедаем,
А видел здесь, у
роковой межи,
Толпу теней,
отвергнутую раем.

46. «Скажи, мой
вождь, учитель мой,
скажи!»

Так начал я, да
утвержуся в вере,
Рассеявшей
сомненье каждой лжи.⁸⁴

49. «Отверз ли кто
себе к блаженству двери
Заслугою своей, или
чужой?»

И, тайну слов
постигнув в полной мере,

52. Он рек: «Я внове
с этой был толпой,⁸⁵

Когда притек Царь
силы, пламеня⁸⁶

Венцем победы, и
вознес с Собой

55. Тень праотца к
блаженствам эмпирея

И Авеля и Ноя и
закон

Создавшего владыку
Моисея.

58. Был Авраам, был

царь Давид спасен,
С отцом Израиль и с
детьми своими⁸⁷
Рахиль, для ней же
столько сделал он,

61. И многие
соделались святыми*⁸⁸
Но знай, до них
никто из всех людей
Не пощажен
судьбами всеблагими.»

64. Так говоря, мы
шли стезей своей
И проходили темный
лес высокий,
Лес, говорю,
бесчисленных теней⁸⁹

67. Еще наш путь
отвел нас недалеко⁹⁰
От высоты, когда я
огнь узрел,⁹¹
Полуобъятый сводом
мглы глубокой.

70. Еще далеко он от
нас горел,
Но рассмотреть я мог
уж с расстоянья⁹²
Почтенный сонм,
занявший сей предел.

73. «Честь каждого
искусства и познания!
Кто сей народ,
возмогший приобрести
Такой почет от
прочего собрания?»

76. И он в ответ: «Их
имена и честь,
Что в жизни той
звучат об них молвою,
Склонили небо так
их предпочесть.»

79. Меж тем раздался
голос надо мною:
«ВозДанте честь
певцу высоких дум!
Отшедший дух нам
возвращен судьбою.⁹³»

82. И вот четыре
призрака на шум
К нам двинулись,
чтоб ввесть в свою
обитель:

Был образ их ни
светел ни угрюм.

85. Тогда так начал
мой благой учитель:

«Узри того, что
шествует с мечем,⁹⁴

Веда других как
некий повелитель.

88. То сам Гомер,
поэтов царь; потом

Гораций, бич
испорченному нраву;

Назон с Луканом
вслед идут вдвоем.

91. Одно нам имя
всем снискало славу,⁹⁵

Как здесь о том
вещал один глагол;

Затем и честь мне
воздают по праву.^{96»}

94. Так собрались
певцы прекрасных школ
Вокруг отца
высокого творенья,
Что выше всех
летает как орел.

97. Поговорив друг с
другом, знак почтенья
Мне воздали они:
учитель мой
На то смотрел с
улыбкой одобренья.

100. И был почтен я
высшей похвалой:⁹⁷
Поставленный в их
сонме, полном чести,
Я был шестым среди
мудрости такой.

103. Так к свету шли
мы шесть певцов все
вместе,

Беседуя, но
сказанных речей
Не привожу, в своем
приличных месте.⁹⁸

106. Вблизи от нас
был дивный град теней,⁹⁹
Семь раз венчанный
гордыми стенами,
И вокруг него
прекрасных волн ручей.

109. Пройдя поток
как сушу с мудрецами,
Через семь ворот
вошли мы в град, где луг
Муравчатый
открылся перед нами.

112. С величием там
тени бродят вокруг,
И строгое
медлительно их око
И сладостен речей их
редких звук.

115. Там, в стороне,

взошли мы на высокий,
Открытый всюду,
озаренный дол,
Отколь всех я видеть
мог далеко.

118. На бархате
лугов, я там нашел
Великих сонм,
скитавшийся пред нами,
И, видя их, в восторг
я вдруг пришел.

121. Электра там со
многими друзьями,
Меж коих был и
Гектор и Эней¹⁰⁰
И Цезарь, тень с
сокольими очами.¹⁰¹

124. Камилла там,
Пентезился с ней,¹⁰²
И царь Латин,
поодаль восседавший¹⁰³
С Лавинией, со
дщерью своей.

127. Там был и Брут,
Тарквиния изгнавший,¹⁰⁴
 Лукреция с
Корнельей средь подруг
 И Саладин, вдали от
всех мечтавший.¹⁰⁵

130. Я взор возвел и
мне явился дух —
 Учитель тех, что в
мудрость ум вперяют,¹⁰⁶
 И с ним семья
философов вокруг.

133. Все чтут его, все
на него взирают;
 Один Сократ с
Платоном от других
 К нему всех ближе
место занимают.

136. И Демокрит, что
мир судьбой воздвиг,¹⁰⁷
 И Диоген, Зенон с
Анаксагором,
 И Эмпедокл, Орфей,
Эвклид меж них;

139. Диоскорид,
прославившийся
сбором,¹⁰⁸
И Цицерон и Ливий
и Фалес
И моралист Сенека
перед взором;

142. И Птоломей,
измеритель небес,
И Гиппократ, с
Галеном, с Авиценной,¹⁰⁹
И, толкователь слов,
Аверроэс.¹¹⁰

145. Но кто ж
исчислит весь их сонм
почтенный?
Мой долгий труд
торопит так меня,
Что часто речь полна
несовершенно.

148. Тут лик шести
умалился двумя,¹¹¹
И я вошел, вслед за

МОИМ ПОЭТОМ,
Из тишины туда, где
вихрь, шумя,

151. Кружит в
стране, не озаренной
светом.

Песнь V

Содержание. Поэты спускаются во второй круг ада, меньший пространством, но исполненный большей муки. При самом входе, они встречают Миноса, адского судью, занятого распределением по аду грешников, к нему беспрестанно прибывающих. При виде Данта, Минос прерывает на время исполнение своей обязанности и напоминает живому пришельцу о дерзости его предприятия; но теми же словами, которыми укрощен был Харон, Вергилий укрощает и Миноса. Между тем жалобные крики грешников начинают становиться явственными. Это крики

сладострастных: среди вечного мрака неистовый вихрь адский вечно носит их во все стороны. Из их числа Virgilius поименовывает Данту некоторых, преимущественно женщин; но особенное внимание возбуждают две тени, неразлучно носимые бурею — тень Паоло Малатеста ди Римини и жены его брата Франчески. Данте призывает их, расспрашивает о причине их мучений, и одна из двух теней рассказывает ему о начале и трагическом конце своей преступной любви. Потрясенный до глубины сердца состраданием к их участи, Данте лишается чувств и падает как мертвый.

1. Так с первой мы
спустилися ступени
Вниз во второй,
пространством меньший,
крут,
Где больше мук, от
них же воют тени.¹¹²

4. Скрежещет там
Минос, ужасный дух,¹¹³

Исследует грехи у
входа, судит
И шлет, смотря как
обовьется вокруг.

7. Я говорю: едва к
нему прибудет
На покаянье злая
тьень и сей
Всех прегрешений
вещатель рассудит:

10. Какое место в аде
выбрать ей, —
Хвост столько раз он
вкруг себя свивает,
На сколько вниз
ниспасть ей ступеней.

13. Всегда пред ним
их множество стенает:
Тень каждая ждет в
очередь суда, —
Поведает, услышит,
исчезает.

16. «О ты, пришлец в
дом скорби и стыда!»

Узрев меня, вскричал
Минос ужасный,
Прервав заботу
тяжкого труда: ¹¹⁴

19. «Взгляни, с кем
ты дерзнул в сей путь
опасный:

Пространством врат
себя не обольщай! ¹¹⁵» —

И вождь ему: «К
чему ж твой крик
напрасный?

22. Путь роковой ему
не воспрещай!

Так *там* хотят, где
каждое желанье

Уж есть закон:
Минос, не
вопрошай! ¹¹⁶» —

25. Здесь явственней
услышал я стенанье

Печальных душ: я
был в стране теней,
Где так пронзило